

ДИАНА КАН

АВГУСТЕЙШИЙ ДОЖДЬ

* * *

А я хотела просто быть любимой...
Не так уж много!
Но немало всё ж!
А ты прошёл неудержимо мимо —
Так, как проходит августовский дождь.

На землю небо ты обрушил разом,
И только тем остался знаменит.
И спасу нет от Яблочного Спаса,
Что терпким духом яблочным дарит.

Ты воссиял слезами на ресницах,
Расцеловал в уста и — был таков...
“Быть под дождём да вдруг не замочиться!..” —
Скабрезничало скопище врагов.

“Пройдёт и это...” — утешал философ,
Из тьмы веков мне посылая свет...
На все меня терзавшие вопросы
То был, увы, единственный ответ.

КАН Диана Елисеевна — поэтесса, член Союза писателей России. Автор книг “Високосная весна”, “Согдиана”, “Подданная русских захолустий”, “Междуречье”, “Покуда говорю я о любви”, “Обречённые на славу” и др. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

...Что ж, пусть проходит августейший август,
Познавья плод роняя на ладонь,
Так, как проходит даже вражья зависть
И молодой влюблённости огонь.

Так всё проходит... Только, может статься,
Не поняла тогда я впопыхах,
Что ты прошёл, чтоб навсегда остаться
Во снах моих, мечтаньях и стихах.

* * *

Там, где вставали в полный рост хлеба,
И где полынь мешалась с лебедой,
Дышали страстно почва и судьба...
...Но почвовед не стал моей судьбой!

Он говорил: “Мужчина должен знать
Ту землю, на которой он рождён...”
А я мечтала в небесах летать,
Поскольку на земле впадала в сон.

Летать, не зарекаясь от сумы.
И петь — чем безысходней, тем звончей.
Ну, как могли понять друг друга мы?
Мы — стрекоза и хмурый муравей!

Он говорил: “Какой забавный бред!
От печки до порога — женский путь!..”
Мой почвовед, мой милый почвовед,
Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Я этот путь с годами обжила...
Ах, кабы раньше, кабы раньше знать!
Я б виноватой тучкой притекла
К земле, какую нам не выбирать.

Пропела жизнь — такие-то дела.
Немного сумела рассказать.
Судьбой, что в почву намертво вросла,
Способна ль стать рождённая летать?

Я обожаю росные поля
И уважаю грозные леса...
Для бренности сгодится и земля,
Но почва для поэта — небеса.

Пусть этот мой неукротимый бред
Когда-нибудь в земной заляжет пласт.
И новый в жизнь влюблённый почвовед
За все мои терзания воздаст.

* * *

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! — надменно мнилось
Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предощущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем, воплощаясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела —
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну а меня с собой не позвала.

* * *

Спеша из ниоткуда в никуда
И увозя с собой чужие жданки,
Встречаются ночные поезда
На Богом позабытом полустанке.

Два фирменных, два скорых, вдаль спешат.
И встретятся ль ещё на свете белом?
Лишь две минутки рядом постоят
Под семафорным бдительным прицелом.

Покуда пассажиры крепко спят,
Наговорившись и напившись чаю,
Ночные поезда стрелой летят,
И время, и пространство побеждая.

Я выйду в тамбур, молча закурю.
И задохнусь от приступа бессилья.
Вот так однажды и любовь мою
И время, и пространство победили!

Прижмусь к стеклу разгорячённым лбом
У сумрачной эпохи на излёте.
И взгляд, что до озноба мне знаком,
Схвачу в окне вагона, что напротив.

Сорвётся с губ произвольный вскрик,
Сигналом тепловоза заглушаем...
И тронутся составы в этот миг,
И мы навек друг друга потеряем...

И заметёт мой путь усталый снег
На роковом последнем повороте,
В пространстве русском растворясь навек
У сумрачной эпохи на излёте.

* * *

С южным ветром встречается огненный ветер востока
И, обнявшись, идут колобродить в окрестных лугах.
Растревожат и разбередят молодую осоку
И заснут у задумчивой ивы в зелёных кудрях.

Убаюкает их, приголубит печальная ива,
Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил...
Но легко ли одной коротать бабий век у обрыва,
Вспоминая Борея, который недолго любил?..

Не ему ли так буйно влюблённая ива махала ветвями,
Раскрылится мечтая, законы природы поправ?..
Окликаема с горних высот отлетающими журавлями,
Корень свой прокляла, но смирить не сумела свой нрав.

С той поры не пленяется ива дыханьем далёкой Тавриды
И гортанным распевом восточных ветров... Ей милей
Ледяное лобзанье посланца суровой Арктиды
И венчальный убор, что сулил ей, расщедрясь, Борей.

Посулил и забыл, и умчался далече до срока
Обрядить в подвенечное платье просторы земли...
Плачет старая ива.
Грустит молодая осока.
С южным ветром в обнимку
Собираются в путь журавли.